

Возможно, этот голос обладал слишком устрашающей силой: в главной зале не только воцарилась мёртвая тишина, но и все присутствующие в испуге отступили назад, трепеща и освобождая проход.

Чжао Юйчжэн была в бело-синих одеждах. По сравнению с прежним она стала более зрелой и солидной, в ней чувствовалось немалое величие главы союза. Одной рукой она держала меч, а другую прятала в широком рукаве. На её чистом прекрасном лице не было ни единого изъяна, лишь глаза слегка покраснели, наполненные влажным блеском.

— Юйчжэн... — заметив приближение Чжао Юйчжэн, Хэ Чжанчжи было окликнул её, но тут же почуял неладное: почему у Чжао Юйчжэн такой суровый вид? А лица Чжао Етаня, Ли Чэнъяня и остальных, следом за ней, были помрачневшими — пожалуй, их можно было назвать безотрадными. Хэ Чжанчжи согнал с лица эмоции, проглотил слова, вертевшиеся на языке, слегка прищурился и сурово спросил: — Глава союза Чжао, что это значит?

Чжао Юйчжэн в упор посмотрела в глаза Хэ Чжанчжи и чеканя каждое слово произнесла: — Прошлой ночью в час крысы где ты был?

— Любовался луной и пил вино, — приподнял бровь Хэ Чжанчжи.

— Один?

— Один.

Чжао Юйчжэн не нашлась с ответом. Ее глаза медленно закрылись, а в душе развернулась сложная борьба, похожая на битву небесных божеств с демонами, не прекращавшуюся ни на мгновение.

— Что в конце концов произошло? Что случилось с Чжао Сюньюанем? — на душе у Хэ Чжанчжи заledenело, и он не преминул спросить.

Видя, что Чжао Юйчжэн трудно отвечать, Чжао Етань отдал должное тревоге в своём сердце и ответил за неё: — Сегодня спозаранку мальчик-служитель, убравший в долине, поведал в сильной встревоженности, будто со Скалой Выигрышей и Потерь творится что-то неладное. Мы с Юйчжэн тотчас отправились туда на разведку, и неожиданно... — Он взглянул на Чжао Юйчжэн, и его охватила жалость, поэтому он понизил голос: — Там обнаружились крайне беспорядочные следы битвы, скалы были почти сплошь забрызганы кровью, а на краю обрыва торчал обломанный меч — это ведь Цуньсинь Сюньюаня...

— Что? Глава долины Чжао погиб? — испуганно ахнули окружающие.

Чжао Цзинъань мысленно подумала, что дело скверно, и в упор уставилась на Чжао Етаня. Фэн Сяожэнь тут же сильно изумился и посмотрел на Чжао Юйчжэн.

Чжао Етань покачал головой и произнес: — Пока Сюньюань не найден, нельзя делать преждевременных выводов.

— Управляющему Чжао не мешало бы выложить всю правду до конца: на той Скале Выигрышей и Потерь, помимо крови и сломанного меча главы долины, обнаружился ведь и распутившийся пятнадцатилепестковый Киноварный Османтус, — холодно произмолвил Ли Чэнъянь.

Как только эти слова сорвались с губ, все присутствующие пришли в крайнее изумление. Злоумышленник, стоявший за чередой серийных убийств, обладал поистине дерзким нравом: он и вправду осмелился бесчинствовать в Долине Хаожань, да к тому же... поднял руку на главу Долины Хаожань — Чжао Сюньюаня.

— И впрямь? Действительно Киноварный Османтус? — Фэн Ли из Виллы Дуаньсюэ усмотрел в этом странность и спросил.

— Разумеется, — кивнул Ли Чэнъянь.

Чжао Цзинъянь и Цзян Шэнь переглянулись и одновременно нахмурились.

— Неужели только на основании этого подозрения пали на меня? — Хэ Чжанчжи прекрасно знал, что Чжао Сюньюань не так-то просто расстанется с жизнью, но нынешнее положение дел его поистине выводило из себя.

Чжао Етань продолжил: — Мы также нашли в покоях Сюньюаня послание, в котором его звали в час крысы на Скалу Выигрышей и Потерь для беседы.

Люди затаили дыхание, не отрывая глаз глядя на Чжао Етаня и ожидая его следующей фразы, однако вместо этого слышали голос Чжао Юйчжэн.

— Хэ Чжанчжи, это ты? — Чжао Юйчжэн открыла глаза и медленно спросила.

— Чжао Юйчжэн, ты веришь мне? — в сердце Хэ Чжанчжи словно ударил молот, и он тихо спросил.

— Верю тебе... — Чжао Юйчжэн подняла руку, прятанную в длинном рукаве, и перед взорами всех предстал лист бумаги с письмом. Она взмахнула рукавом — легко, но словно с удесятёрённой силой, и записка со свистом полетела прямо в Хэ Чжанчжи. Ее голос зазвучал громче, наконец обретя интонацию: — Подпись в конце твоя, почерк на бумаге твой. Как я могу тебе верить?

Хэ Чжанчжи поймал летящий листок и опустил взгляд, а слегка приподнятые уголки его глаз словно окрасились в красный цвет. Он рассмеялся от гнева, и от этого стал еще более

соблазнительным: — Чжао Юйчжэн, я и не думал, что спустя всего четыре года я в твоих глазах упаду столь низко. Похоже, наша с тобой дружба ровно столько и стоила. Четыре года в разлуке, и при новой встрече — лишь подозрения... — Он с силой сжал пальцы, и белая бумага мгновенно превратилась в пыль, которая сыпалась на землю словно снег.

— Ты ведь и сам знаешь, что прошло четыре года, — видя, как похожая на снег пыль уносится ветром, Чжао Юйчжэн ощутила тяжелую, невыносимую боль в сердце, но смогла лишь холодно произнести: — Мы не виделись четыре года, и мысли наши, конечно, уже не те, что в прежние времена. — Она на мгновение замолчала, и лицо ее осталось совершенно беспристрастным: — Я — глава Союза Цзянху, а ты уже возглавил Дворец Лихуань.

Чжао Цзинъань сама не зная почему почувствовала, будто ее сердце тоже дернули — оно онемело и заныло, волна боли поднялась прямо к горлу. А стоявший рядом с ней Цзян Шэнь неизвестно когда отвернулся, приняв такой вид, будто ему больно на это смотреть.

То, что Чжао Юйчжэн из Долины Хаожань и Хэ Чжанчжи из Дворца Лихуань связывали прекрасные отношения, не было большим секретом в Цзянху.

Чжао Юйчжэн была редчайшим, не встречавшимся на протяжении целого века в мире Цзянху боевым талантом, и противников в нынешнем боевом мире для нее практически не существовало. Хэ Чжанчжи же являлся единственным во всем Цзянху человеком, способным сравниться с Чжао Юйчжэн. Между ними издревле существовало чувство взаимного уважения и симпатии, однако судьба играла с людьми, пути оказались непредсказуемыми, и слишком многое было совершено по воле обстоятельств.

Большинство присутствующих люто ненавидели Мир Демонов и Зла, а Хэ Чжанчжи считался негласным кандидатом в мировые владыки этого мира, поэтому его антипатию к нему и вовсе трудно было описать словами. И раз уж все улики указывали на Хэ Чжанчжи, выпал отличный шанс разом покончить со старыми обидами и новыми счетами. Они крепко сжали оружие в ожидании приказа — оставалось лишь дожидаться слова Чжао Юйчжэн, однако больше всего они боялись...

— К чему главе союза тратить на него слова? Уж не старую ли дружбу она все еще бережет? — холодно бросил Ли Чэньян, увидев это.

Фэн Сяожэнь тут же в тревоге выпалил: — Разве в столь серьезном деле нельзя позволить сестричке Чжэн обдумать всё как следует? Союз Цзянху — это вам не детские игры!

У Цзюэ нахмурился и тоже произнес: — Зачем же господину Ли так выражаться? В этом деле полно неясностей: почерк можно подделать, убийца мог замести следы. Судить по нынешним уликам — значит выносить приговор крайне опрометчиво.

— По моему скромному мнению, это дело из ряда вон выходящее. Даже если дворецкий Хэ не убийца, он должен содействовать расследованию. Все равны перед законом, и о поблажках не может быть и речи, — в словах Ли Чэньяня явно крылся скрытый подтекст, и острие его

обвинений неожиданно вновь обратилось против Чжао Юйчжэн.

У Цзюэ не преминул ответить с достоинством: — Не говоря уже об остальном, все в Цзянху знают, что дворецкий Хэ и глава долины всегда поддерживали прекрасные личные отношения. С чего бы ему вдруг поднимать руку на убийство?

Ли Чэньян хмыкнул: — Хм, и что с того, что прекрасные отношения? С давних времен сколько было таких добрых братьев, клявшихся жить и умирать вместе, делить горе и радость, но стоило затронуть выгоду, как они тотчас отворачивались и предавали друг друга? Дворец Лихуань держится обособленно от Союза Цзянху, неужто вы и вправду ждете от него, Хэ Чжанчжи, соблюдения моральных устоев? К тому же, насколько мне известно, у главы долины было бесчисленное множество верных друзей в Цзянху и выдающихся талантов при дворах, так что он вовсе не испытывал недостатка в одном лишь Хэ Чжанчжи. Малыш, ты еще слишком молод и наивен.

И верно: Чжао Сюньюань, сын прославленного героя Чжао Фаньсюаня, бывший глава Союза Цзянху и нынешний глава Долины Хаожань — благородный, проникательный, открытый и свободолобивый, — пользовался в Цзянху всеобщей любовью и даже поддерживал приятельские отношения с людьми из императорского двора. Не говоря уже о Союзе Цзянху, даже в Море Демонов и Зла при упоминании Чжао Сюньюаня преобладало лишь доброе расположение.

А тесная дружба между Хэ Чжанчжи и Чжао Сюньюанем в глазах людей из Цзянху казалась лишь одной из бесчисленных связей Чжао Сюньюаня, вряд ли стоившей упоминания.

Фан Мэн, услышав столь язвительные речи Ли Чэньяня, от злости аж задышал со свистом и рывкнул: — Раз ты такой умный, так полезай сам! Какого чёрта ты бросаешься угрозами перед девчонкой Юйчжэн? Прекрасно же знаешь, что в драке тебе Хэ Чжанчжи не одолеть!

Слова о том, что он может сравниться с Чжао Юйчжэн, разумеется, означали, что Хэ Чжанчжи также является редким боевым талантом современного боевого мира.

— Ничего страшного. Если угодно, Хэ останется стоять здесь — можете нападать все вместе, я не возражаю, — выслушав толпу, Хэ Чжанчжи понял, что все они недовольны им и смертельно его боятся, но лишь беспечно улыбнулся, выказывая безмятежность человека, решившего отдохнуть.

— Ладно, слово за слово! — неизвестно кто подал знак, и целая толпа людей гурьбой ринулась вперед. Никто даже не заметил движений Хэ Чжанчжи: они лишь увидели, как у бросившихся на него бойцов из рук попадало оружие, а сами они один за другим взмывали в воздух и падали обратно, разлетевшись кто куда. Новая толпа с оружием наперевес бросилась в атаку, но Чжао Юйчжэн резко поднялась с места, рассекая воздух свирепым порывом ветра, и ее меч, вылетев из ножен, взметнулся и преградил людям путь. — Я сама!

Еще не успев полностью обнажить клинок, Чжао Юйчжэн и Хэ Чжанчжи сошлись в поединке,

разделенные лишь своими мечами. Они обменивались ударами и тут же парировали их, и не прошло и мгновения, как за плечами каждого было уже свыше сотни приемов, но победителя выявить так и не удалось — силы их были равны.

— Как Хэ и предполагал, боевое мастерство главы союза превосходит даже то, что было в прошлые годы.

— Дворецкому Хэ не стоит отвлекаться, как бы не проиграть.

— Ох, ну тогда позвольте попробовать.

Хэ Чжанчжи отбил меч ударом, и они сошлись рукопашную, обрушив ладони друг на друга. Бурный поток ци с грохотом взорвался вокруг них, опрокидывая стоявшие в зале столы, стулья, свитки с живописью и антиквариат. Люди в испуге бросились врассыпную.

Внутренняя техника Долины Хаожань Девять секретов вздымающихся небес и метод управления ци Дворца Лихуань Метод Сердца Великого Хаоса по-прежнему оставались непревзойденными боевыми искусствами современного мира и, само собой, обладали колоссальной разрушительной мощью. Оба они понимали, что их внутреннюю энергию не выдержать обычным людям, а развернуться в зале было нельзя — это могло задеть посторонних, — поэтому они синхронно взмыли в воздух, перенеся поле боя из помещения на парковую террасу во дворе.

Люди, переживая за исход схватки и испытывая благоговейный трепет перед двумя величайшими техниками внутренней энергии, дружно выбежали наружу, чтобы понаблюдать.

Все увидели, как легка и грациозна была фигура Чжао Юйчжэн: ее внутренняя энергия сочетала в себе мягкость и жесткость, устремляясь прямо к небесам. Фигура же Хэ Чжанчжи двигалась непринужденно, а его ци свободно сжималась и раскрывалась, неся в себе непреклонную, подавляющую мощь. Два потока чистейшей внутренней энергии яростно сталкивались друг с другом, раз за разом порождая мощные ударные волны, но силы их по-прежнему оставались равными. Заметив, что долгое противостояние не приносит победы ни одной из сторон, они одновременно отозвали внутреннюю энергию, завершая бой.

Все присутствующие дружно восхитились: Чжао Юйчжэн и Хэ Чжанчжи действительно оказались редчайшими талантами современного боевого мира, а Девять секретов вздымающихся небес и Метод Сердца Великого Хаоса не зря входили в десятку самых желанных боевых искусств во всем Цзянху.

Чжао Цзинъань смотрела на всё это зачарованно, смутно чувствуя, что их поединок выглядит немного странно, хотя сама толком не могла понять почему. Ей думалось лишь одно: столкнись они с врагами на поле боя, стиль их борьбы наверняка выглядел бы совсем иначе. И это было больше похоже не на битву не на жизнь а на смерть до определения победителя, а на... товарищеский спарринг.

— Ни по приемам, ни по внутренней силе нам не превзойти друг друга. Не думал, что и здесь результат окажется тем же, — легко улыбнулся Хэ Чжанчжи.

— Если кто-то намеренно поддавался, результат неизменно будет именно таким, — приподняла бровь Чжао Юйчжэн, недвусмысленно намекая на то, что Хэ Чжанчжи сражался не в полную силу.

Хэ Чжанчжи мысленно усмехнулся: Чжао Юйчжэн осталась прежней. Он прекрасно понимал, что они оба в большей или меньшей степени сдерживались, однако никакие сдержанность и осторожность не могли сгладить пропасть тех четырех лет, о которых не стоило и говорить. Внутри него шевельнулся тихий вздох, но он все же улыбнулся, лучезарно и открыто: — Глава союза излишне скромна. Если бы Хэ поддавался, от него, боюсь, не осталось бы и мокрого места. Разумеется, я не смею утверждать, что одолею тебя хотя бы на три десятых, но прямо сейчас, если Хэ вознамерится уйти, тебе вряд ли удастся меня удержать.

— Дворецкий Хэ, у меня нет неопровержимых улик. По совести и по закону, если ты захочешь уйти, у меня не будет достаточно веских причин удерживать тебя. А поскольку твои боевые навыки и внутренняя сила ничуть не уступают моим, даже если я попытаюсь остановить тебя силой, думаю, у меня ничего не выйдет, — Чжао Юйчжэн смотрела на Хэ Чжанчжи со всей серьезностью и строгостью, но на этом холодном лице удивительно ярко светились глаза. — И всё же я надеюсь, что дворецкий Хэ запомнит: твоя причастность к этому делу еще не смыта. Из-за одного этого инцидента весь Цзянху будет считать, что это дело рук твоих.

На парковой террасе присутствовало по меньшей мере около сотни человек, и, вероятно, ощутив, что сегодня Чжао Юйчжэн была необычайно иной — охваченной природным, ни с чем не сравнимым величием, — люди на какое-то время замерли в оцепенении. Кроме звуков их напряженного дыхания, в тишине слышалось лишь то, как ветер касается листвы и цветов.

Посреди этой зловещей тишины и обстановки Чжао Юйчжэн возвысила голос, донесся до каждого твердое, решительное, не оставляющее лазеек заявление:

— Если это действительно сделал ты — или кто-то другой, — неважно, сколько тысяч рек и гор мне придется пересечь, неважно, сколько дней и ночей мне придется скакать без сна, я разыщу этого человека и заставлю заплатить ту цену, которую он должен заплатить. Дворецкий Хэ, можете идти.

Хэ Чжанчжи понимал, что эти слова Чжао Юйчжэн адресованы не только ему, но и любому другому возможному убийце из присутствующих, однако как бы то ни было, звучало это не слишком приятно, отчего в груди его даже тревожно затрепетало. Судя по всему, она так до конца и не избавилась от подозрений в его адрес.

— Глава союза, прощайте.

Стоило Хэ Чжанчжи развернуться и сделать шаг, как из-за его спины с свистом вылетели несколько скрытых клинков. Мелькнула бело-синяя тень, сверкнул ослепительный холодный

блеск снежного клинка — меч Чжао Юйчжэн наконец вылетел из ножен, в одно мгновение сбив все скрытые орудия, и они градом рассыпались по земле, усеяв ее искрами.

— Я же сказала: позвольте ему уйти, — в глазах Чжао Юйчжэн мелькнуло презрение, и она строго произнесла: — Слушайте все, второго раза не будет. Никто из людей Союза Цзянху не смеет опускаться до столь мерзких и подлых поступков.

Те, кто еще только собирался учинить мелкие пакости, переглянулись и были вынуждены притихнуть, покорно подчиняясь приказу.

И тут Цзян Шэнь внезапно обнаружила, что Чжао Цзинъань, стоявшая рядом с ней, куда-то пропала.

<http://bllate.org/book/19522/1913980>